

ГЫНГАЗОВО

В 1729 году, во времена кратковременного царствования Петра II, отставной казак Роман Гынгазов приглядел себе земли на реке Шегарке и поставил там заимку.

С годами заимка обросла крестьянскими дворами. К концу правления Екатерины II здесь жили шесть десятков семей. В 1796 году деревня была зарегистрирована чиновниками. После этого население пошло на убыль: в 1805 году здесь остается всего 57 дворов, а в 1895 г. – 35, в которых проживают 146 «душ мужского пола».

После Столыпинской реформы Гынгазово стремительно растет. Ходокам нравится удачное месторасположение деревни: высокий правый берег реки не позволял затоплять при весеннем паводке строения, а по левому берегу раскинулись обширные заливные луга. Лучших условий для пастбы скота и заготовки кормов трудно и пожелать. По старым меркам, такой населенный пункт считался одним из самых крупных в Богородской волости.

Первые дома образовали улицы и переулки, которые и сегодня носят старые названия: Стрелка, Березовский проулок, Анфалеевский, Кыкина гора, Осиновка.

В начале XX века в Гынгазово стали ссылать осужденных жителей из центральных губерний России. Многие из них обосновались прочно в сибирской глубинке и возвращаться домой не захотели. Лес, пахотная земля, заливные луга, более богатые по сравнению с родными местами пастбища держали людей в селе.

Были здесь свои пимокаты и шорники. Они земледелием не занимались – кормили семьи своим ремеслом.

Пчеловоды тоже хлеб не выращивали. Продажа меда в Томске обеспечивала безбедную жизнь. Макар Гынгазов имел 100 ульев-дуплянок. Он считался одним из зажиточных крестьян.

В маленьких озерах и речке Шегарке водились щуки, окуни, ерши, налимы, чебаки. За два столетия здесь образовалось большое село в 160 дворов, в которых проживало более 800 человек.

По церковным праздникам ездили на лошадях на богослужение в Никольскую церковь, которая стояла в Бабарыкине. На Троицу в Гынгазово приходил батюшка с иконой Святой Троицы и на самом высоком месте у большого креста служил молебен. В этот день крестьяне приносили домой веточки березы, полевые цветы, разнотравье. На полу стелили новые самодетканые дорожки, у рукомойника вешались вышитые рукотерники, на столах сияла чистой белой льняная скатерть. Работать в этот день было грех – народ гулял. Молодежь веселилась на улице: одни играли в лапту, другие пели песни под гармошку, плясали, балагурили. Крестьянские девки наряжались в новые сарафаны и поглядывали украдкой на женихов. Если интерес молодых не вступал в противоречие с трезвым расчетом родителей – к осени засылали сватов.

На престольных праздниках гулял стар и млад. Ребятам угощалась медовыми пряниками, мужики пили медовуху, брагу, самогон, закусывали разносолами, пирогами с мясом, рыбой, другой снедью. Разомлев, пели, рассказывали забавные истории про родных и знакомых, разные небылицы про гынгазовских колдунов и всякую нечисть. Особенно часто – про Прасковью Ивановну, которая умела превращаться в голубую свинью. Жила Поруша на горе, за деревней. Одни обращались к ней за помощью, другие подшучивали над ней или откровенно издевались. В конце концов деревенские парни отрезали у свиньи уши, в результате чего пришлось бедной Поруше до конца своих дней ходить в крепко завязанном платке.

Как и по всей России, революция ураганом смела спокойный патриархальный ритм крестьянской жизни.

С установлением советской власти начались обыски в гумнах, на огородах, в банях. Искли излишки хлеба, чтобы накормить голодный город.

По переписи 1926 года, в селе к этому времени было отстроено 160 дворов, в которых проживали 835 человек.

В годы коллективизации на агитацию откликнулось только 20 индивидуальных хозяйств. Они объединились в одну сельскохозяйственную артель и назвали ее «Строитель Социализма». Было ли принято это решение под влиянием пламенной веры в светлое будущее без богатых или сказался страх перед репрессиями, сказать трудно, но через 6 лет в колхозе числились уже

125 семей с 562 едоками и общей земельной площадью в 3647 га. Председателем выбрали С.Е. Бурыхина.

На колхозных дворах содержалось 157 (!) лошадей, 124 коровы, 245 овец, 255 свиней.

В 1934 году здесь образовался еще один колхоз – имени Куйбышева, который возглавил П.А. Першин. Колхоз объединил 160 равноправных членов с 357 едоками из 77 дворов. В колхозе засевали хлебом 932 га пашни.

Председателем сельского совета работал в те годы Фокин.

В 1936 году начальная школа, построенная в 1929 году, была преобразована в семилетнюю. В ней занималось не менее 200 школьников. В классах сидели дети из Маркелова, Кузнецова, Андросова, Росташовки, Ново - Октябрьского, Ново - Российского, Дубровинки.

В 1937 году здесь была создана машинно-тракторная станция по обслуживанию колхозов техникой на полевых работах. С первым ее директором гынгазовцам не повезло: Д.С. Оплачко был пьющим человеком, в работу глубоко не вникал и вскоре был арестован за шпионаж (см. главу «Репрессии»).

Действительно ли директор МТС имел связь со шпионами или кто-то свел с ним счеты, сегодня уже не может сказать никто.

Народ в своем большинстве свято верил партии и правительству и героически трудился на полях и фермах.

Первой стахановкой стала Шелегова Мария Яковлевна.

Во время весенне-летних работ 1938 года тракторная бригада Ирины Голубевой завоевала право называться лучшей в Гынгазовской МТС.

1937 год стал значимым годом для гынгазовцев не только в связи с организацией МТС и пиком репрессий, но и открытием 7-летней школы на базе начальной. Сюда приезжали учиться дети из соседних деревень: Росташовки, Маркелова, Дубровинки, Кузнецова и других деревень.

Жизнь постепенно стала налаживаться. Церковные праздники заменились на советские. Молодежь, наработавшись днем на скотном дворе, вечером собиралась на вечерки. В предвоенные годы в колхоз пришло новое поколение, не знавшее единоличных хозяйств и о царском времени слышавшее только хулу.

Во время войны гынгазовцы самоотверженно помогали фронту.

200 мужчин ушли на войну. Отплакали проводы матери и жены – и на колхозные работы.

Помощь оказывали не только взрослые, но и дети.

Осенью 1943 года комсомольцы неполной средней школы собрали 2365 рублей денег и 5 центнеров овощей, чтобы поддержать разрушенные города после освобождения от немцев. Посылки с табаком, кисетами, теплыми вещами отправлялись школьниками на фронт, чтобы поддержать солдат перед боем.

В годы войны рядом со школой был открыт детский дом для сиротских детей. Он располагался в нескольких домах зажиточных крестьян, которых выселили с семьями из села.

В детском доме были своя баня, овощехранилище, которое вмещало до 7 тонн картофеля, скотный двор. Как и в других детских домах, здесь катастрофически не хватало обуви, головных уборов, мебели.

Детский дом сначала возглавляла Т.С. Киселева, затем Л.К. Кульбашная. Здесь работали известные в районе люди: Александр Яковлевич Титов, Петр Степанович Трубачев, Людмила Васильевна Рябова (Бояшева), которую многие шегарцы за время ее работы в службе занятости успели полюбить за чуткость и деликатность. В этом детском доме жил Петр Степанович Черногров, эколог Томской области.

Через несколько лет после войны сирот перевели в Победу, а в освободившемся помещении открыли клуб.

В 1958 МТС расформировали, а всю технику распределили по селам. В этом же году Гынгазово объединили с Маркеловским и Анастасьевским колхозами в одно хозяйство, которое получило название «Россия».

Через три года оно приобрело новый статус – совхоз. Независимо от конечного результата специалисты стали получать фиксированную зарплату.

В 1973 году отделения Гынгазово и Маркелово отошли в самостоятельное хозяйство.

С началом перестройки совхозом руководил А.П. Ильин, который впоследствии возглавил сельхозуправление, а затем – район.

С середины 80-х годов, еще при А. П. Масалыкине, в селе стали появляться новые панельные дома 25-й серии, изменившие облик села. Ради жилья по-

тянулись в Гынгазово люди из других регионов, соглашаясь на любую работу: скотниками, механизаторами, доярками. В эти годы на грязных улицах появляются асфальт, кирпичный магазин, новая контора.

Новую, красивую школу построили 20 лет назад там, где когда-то стояли жилища первых поселенцев Гынгазова. С 1996 года учительский коллектив возглавляет Михаил Петрович Кабакаев. Благодаря его энтузиазму в школе издан сборник о родном крае, гынгазовские школьники на всех краеведческих конференциях занимают призовые места.

Перестройка пришла в село как стихийное бедствие. Стали уменьшаться посевные площади, сокращалось производство, людям перестали платить зарплату. Народ не сберег даже то, что еще можно было сохранить.

И только сквер из тополей, черемухи и кустарников на когда-то шумном месте помнит о давно ушедших временах.

Сегодня там, где еще недавно кипела жизнь, все чаще появляются дома с заколоченными окнами.

На 1 января 2006 года в Гынгазове остался 281 житель.

ДЕГТЯРЕВКА (НОВОТРОИЦК)

Шел 1850 год. Россией правил Николай I, подавивший Декабрьское восстание, и до освобождения от крепостной зависимости оставалось еще долгих 10 лет. Все чаще крестьяне бежали от незаслуженных наказаний, от безысходности в Сибирь. И чем глуше место, тем лучше. А там – ищи-свищи через снега и болота. Вольный он и «гулящий» или беглый, поди разберись. Ставил мужик землянку, обживался. Первое время жил с семьей под крышей, крытой берестой и пластами земли. Вскоре появлялись и другие поселенцы. Город нужно было кормить, поэтому всем желающим без ограничений выделяли земельные и лесные наделы.

Летом, выбрав старосту, застолбили крестьяне свое место официально.

Событие это произошло в 1851 году накануне Троицы, поэтому томские чиновники дали название новому поселению – Новотроицкое.

Чтобы обжиться на новом месте, нужны были сила и взаимовыручка, поэтому жили дружно и все делали вместе: валили лес, строили дома, корчевали пни, распахивали пашни.

Дома ставили добротные. В тесных хатенках натерпелись в «Расее».

В красный угол ставили иконы с лампадкой, посередине – большую русскую печь, полаты, а вдоль стен лавки.

Советскую власть крестьяне приняли настороженно, однако понимали: «не плюй против ветра».

После революции стояло в Новотроицке 166 дворов, в которых проживало пять сотен мужского населения и чуть больше – женского.

В годы коллективизации лишних лошадей продали, лишних овец съели, а оставшихся 270 коней привели на общественный двор. Колхоз назвали «Совет», образовав три полеводческих бригады, в каждой по 90 лошадиных сил.

В годы репрессий шла мощная антирелигиозная пропаганда. Все названия сел, связанные с христианскими праздниками, переименовали. Пришло заявление в райцентр и от новотроицких жителей с просьбой назвать их село Дегтяревкой.

В войну все тяготы колхозного труда легли на плечи женщин и детей. Сами сено заготавливали, сами хлеб молотили, сами за конюхов лошадей обихаживали.

Доярки руками по 19 колхозных коров доили, а потом бежали по бездорожью в грязь и снег к своим буренкам. Сено, как и повсюду в наших краях, косили литовками, и делали эту работу не хуже мужиков. На покосах помогали дети с 7 – 8 лет.

После войны стало легче. В конце пятидесятых в деревне появилась своя техника: трактора и комбайны.

70-е и 80-е годы были временем расцвета Дегтяревки.

При председателе колхоза «Рассвет» Николае Павловиче Морозове был построен комплекс скотных дворов, дороги, клуб и около 15 квартир для колхозников.

Управляющим Дегтяревским отделением в эти годы работал Шахрай Иван Романович. Высокие показатели в животноводстве и полеводстве – это и его организаторский опыт, знание всех составляющих сельскохозяйственного труда.